

**V.I. Shishkina**  
**Political Opposition**  
**in Modern Russia:**  
**Development Strategies**  
**in the Regional Space**

The strategy used by the political opposition as part of the protest behavior at the regional level is considered. Regional case studies are analyzed by the example of the Saratov Region. Development patterns of opposition actors' behavior regional protest strategies are distinguished.

*Key words and word-combinations:* political opposition, the strategy of protest behavior in the regions.

Рассматриваются стратегии, применяемые политической оппозицией в рамках протестного поведения на уровне региона. Анализируются региональные кейсы на примере Саратовской области. Выделяются закономерности развития региональных протестных стратегий поведения оппозиционных акторов.

*Ключевые слова и словосочетания:* политическая оппозиция, стратегии протестного поведения в регионах.

УДК 32.01  
ББК 66.04

**В.И. Шишкина**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ  
ОППОЗИЦИЯ  
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:  
СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ  
В РЕГИОНАЛЬНОМ  
ПРОСТРАНСТВЕ**

**Н**а современном этапе развития политической системы в России актуальным остается изучение явлений политического протеста. Ведущие политики, аналитики, эксперты страны в своих выступлениях делают акцент на современные протестные явления, уделяя значительное внимание политической оппозиции. Она в свою очередь, являясь одним из базовых компонентов политической структуры общества, оказывает опосредованное влияние на развитие внутренних процессов в государстве.

Если исходить из предположения, что действия институциональных политических акторов и формируемые ими правила игры (институты) задают вектор массовых предпочтений и обуславливают динамику развития политического процесса и присущих ему оппозиций [1, с. 54], то выделение организационно оформленной, обладающей соот-

ветствующими юридическим статусом и конституционными гарантиями, ответственной в своих действиях оппозиции – это своего рода тест на ее приверженность основополагающим принципам демократии. Отсутствие же дееспособной оппозиции в условиях демократии, как правило, приводит к росту социальной нестабильности или же вызывает политическую апатию масс [2, с. 36].

В 2011–2012 гг. стало очевидным, что население резко осознало несправедливость того, что продолжалось десятилетиями, начиная с советских времен, – игру в выборы органов власти. Новые коммуникационные возможности создали новые технологии самоорганизации и самовыражения [3, с. 79]. Это подводит нас к следующему немаловажному аспекту. По своей природе оппозиция неоднородна по составу, что, несомненно, дает возможности оппозиционерам расширять линейку политических практик и стратегий борьбы за электоральный ресурс. Использование новых технологий позволило вовлекать к политической активности те слои населения, которые до некоторых пор оставались инертными и достаточно маргинально настроенными к политическим институтам в целом.

Исходя из традиционной классификации, выделяют системную (парламентскую) оппозицию и несистемную. Конструктивная (системная) оппозиция заостряет внимание на парламентских формах деятельности, внесистемная – отдает приоритет внепарламентским методам политической борьбы, что и было активно продемонстрировано в последнем федеральном избирательном цикле. Формальное определение сводится к следующему: системная оппозиция – партия или группа, выступающая против господствующей партии или мнения, поддерживаемого большинством. Деятельность находится в рамках сложившейся политической системы и не направлена на подрыв ее устоев, хотя переход власти от одной партии (или коалиции партий) к другой в результате выборов в данном случае вовсе не гарантирует абсолютной преемственности политического курса. Помимо этого, в России различают «внепарламентскую системную оппозицию», в которую входят зарегистрированные Министерством юстиции РФ партии, но не вошедшие в парламент, и «внесистемную оппозицию» (или «несистемную оппозицию») состоящую из незарегистрированных партий и движений.

За последние годы четко выделились векторы изучения федерального кластера внепарламентской системной и внесистемной «федеральной» оппозиции. На наш взгляд, интересно проследить за тем, как реализуют на практике свои стратегии региональные отделения тех же партий. Перед российской оппозицией стоит вопрос: до какой степени быть оппозиционной и какими средствами при этом пользоваться, так как возникает двойная зависимость административных институтов и оппозиции. «Если оппозиция не противопоставляет себя существующему режиму – не предлагает альтернатив... политические институты остаются слабыми. Если же оппозиционные силы действуют слишком решительно, то под угрозой может оказаться демократия как таковая» [4, с. 132–133].

А. Хиршман описал несколько основных стратегий развития оппозиции: «ухода» (exit), или «малых дел»; «протеста» (voice) – массовой мобилизации

(не только электоральной); «лояльности» (loyalty) – «торга» с правящей группой и последующей кооптацией в нее («врастание во власть»). По мнению В.Я. Гельмана, традиционные стратегии оказывались не просто неэффективными, но и проигрышными. «Уход» способствует маргинализации и утрате влияния, «протест» затруднен из-за сокращения ресурсной базы и угрозы силового воздействия со стороны правящей группы, а «лояльность» ведет к потере идентичности и кооптации в правящую группу [1, с. 57–58].

Одним из основных ресурсов любой оппозиции является поддержка со стороны граждан. Согласно данным крупнейших полстерских агентств, уровень поддержки политической оппозиции постепенно снижается. Важно отметить, что в глазах общественного мнения в последние годы очень нечетко выделяется оппозиция системная / внесистемная, дается некая общая оценка деятельности этих политических акторов. Анализируя данные «Левада-центра», можно увидеть, что за последние два года число россиян, считающих, что сейчас в России есть политическая оппозиция, сократилось с 66 до 50% [5]. Если в 2012 г. 72% опрошенных рассматривали оппозицию как необходимый элемент российского общества, то в 2014 г. их количество сократилось до 57%.

С одной стороны, в целом необходимость оппозиции обществом признается, с другой – реальная оппозиционная риторика в СМИ практически отсутствует, а представители непарламентской оппозиции россиянам малознакомы. Учитывая внешнеполитические факторы, влияющие на современную российскую действительность и подъем патриотических настроений, а также отсутствие альтернативных каналов получения информации (особенно в «провинции») вопрос о необходимости оппозиции действующей власти вызывает скорее недоумение у опрошенных респондентов.

Общий понижающий тренд также отмечают исследователи ФОМ: в 2014 г. только 36% ответивших уверены, что в России существует политическая оппозиция [6]. Этот показатель очень близок данным исследования на начало 2011 г. Еще до парламентских выборов и подъема политического протеста эта цифра составляла 37%. Прослеживается также тенденция на снижение уверенности, что у оппозиции есть возможности оказывать влияние на положение дел в России: всего 6 из 36% уверены, что такая возможность у оппозиции есть; 13% высказали мнение, что эта возможность очень слаба. При этом указание на положительный эффект от этого влияния постепенно уменьшается уже в долгосрочной перспективе с середины 2004 г.

Респонденты также отметили снижение роста числа сторонников оппозиции в России. Особенно это заметно в сравнении с показателями февраля 2012 г., когда на волне протестов «за честные выборы» 20% опрошенных считали, что у оппозиции увеличивается количество сторонников. Сейчас только 6% ответивших согласны с такой точкой зрения; 13% сказали, что количество сторонников не меняется.

Как отмечают некоторые исследователи, перспективы оппозиции зависят не столько от ее собственных действий, сколько от набора внешних условий, которые задают структуру политических возможностей. Проследить за тем, как используются политические возможности региональной оппозицией, можно

на примере стратегий, избранных саратовскими отделениями партий на волне протестных настроений 2011–2012 гг., а также сравнив их со стратегиями вне выборного цикла.

За основу взяты результаты небольшого регионального исследования, проведенного нами в 2012 г. Был проанализирован массив информационных сообщений региональных СМИ об акциях протеста с участием политической оппозиции. В выборку попало 161 сообщение за период с декабря 2011 г. по март 2012 г. В структуре этих сообщений нами выделено 8 основных тем, содержащих 642 смысловые единицы счета. Нас заинтересовало, как артикулировали протестную повестку дня представители системной (парламентской) и внепарламентской оппозиции Саратовской области после выборов в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. В частности, прослеживалось, на какие конкретно темы делали упор партии, какие ресурсы пытались задействовать активнее всего в своих информационных стратегиях.

*КПРФ.* Наиболее значимыми для партии закономерно оказались тематика выборов (29%) в связи с электоральным периодом, а также самоактуализация оппозиционного статуса (29,5%). Третьей по информационной наполняемости стала тема недоверия к власти (11,9% единиц счета). Существенное внимание при освещении выборов уделялось в информационных сообщениях теме фальсификации на выборах в Государственную Думу и президентских выборах, при этом прослеживается усиление внимания партии к этому направлению (декабрь 2011 г. – показатель равен 5,4%, март 2012 г. – 11,9%). Относительно вектора «настроений граждан» выделяются такие смысловые конструкты, как «чувство унижения» – 25% (март 2012 г.); «Мы не рабы!» – 12,5% (декабрь 2011 г. и март 2012 г.); народный гнев – 8,3%.

Явный упор на свою «оппозиционность» можно увидеть в сообщениях марта 2012 г. (около 39% от всех сообщений за четыре месяца). Усиление информационного позиционирования по вектору «недоверие к власти» произошло в феврале 2012 г. – (54,8% лексических единиц от всего массива внутри этого тематического блока). Основная цель КПРФ – задействовать в риторике ценности морально-этического / политического характера.

Региональное отделение партии при формировании протестной повестки дня задействовало традиционные для себя методы и приемы. Даже в условиях сложившейся в России, и в Саратовской области в частности, ситуации в декабре 2011 г. партия использовала ситуацию с протестами, чтобы укрепить свои позиции перед выборами Президента РФ и привлечь к себе дополнительный электорат.

*ЛДПР.* Она демонстрировала тренд на «оппозиционность». Для этой партии была характерна ориентация на самоактуализацию своего оппозиционного статуса. Подчеркивалось в первую очередь участие партии в санкционированных протестных акциях, стремление к консолидации с другими участниками системной оппозиции в регионе. Отличительной чертой является то, что региональное отделение ЛДПР изначально стремилось транслировать свой «оппозиционный» статус через демонстрацию объединения всех протестующих сил в Саратове. Партия стала одним из инициаторов создания СОИ – Саратовского объединения избирателей, но постепенно интерес к этому проекту со стороны

либерал-демократов пошел на спад (январь 2012 г. – 15,7%, март 2012 г. – 3,9%). Появляются сообщения о деконсолидации ЛДПР с другими оппозиционными силами (январь – март 2012 г.). В отношении вектора «настроений граждан» прослеживается посыл на «ожидание перемен» (5%). ЛДПР в основном поднимает тему гражданских / политических ценностей. В информационном поле со стороны ЛДПР было мало заявлений о фальсификациях на выборах. Это можно рассматривать как согласие с результатами выборов и нежелание ввязываться в дискуссионную риторику с партией власти.

*Партия «Справедливая Россия».* Для этой партии также наиболее популярными при формировании повестки дня стала категория «выборы» (21,1%) и самоактуализация себя как системной оппозиции (26,6%). Основной информационный отклик по этим направлениям у партии произошел в декабре 2011 г. и по истечении избирательного цикла практически свелся к нулю. Наибольший интерес партия уделяла месседжам: «фальсификация» – 37,8%; «кража голосов на выборах», «За честные выборы!» – по 21,6%. Выражение недоверия к властям составило 13,8%, из них наибольшее количество информационных сообщений содержали обращение с претензиями к партии власти, представителям ЦИК. «Справедливая Россия» в категории «транслируемые ценности» делала акцент на гражданские / морально-этические аспекты. Пик интереса к консолидации региональной системной оппозиции пришелся на февраль 2012 г.

*Партия «Яблоко».* Как и у других участников, для нее актуальны выборная тематика (26,7% от общего количества партийных месседжей) и подтверждение своего оппозиционного статуса (25,7%). Отличительным от других участников является то, что категория «ценности» находится в повестке дня на третьем месте (16,8%), актуализируются гражданские (10,8%) и морально-этические (3,9%) ценности. Месседжи выборной тематики сосредоточены вокруг фальсификации выборов (5,9%), призывов «За честные выборы!» (9,9%), отмена результатов выборов и заявления о «краже голосов» набирают по 5%. Заметно, что «Яблоко» достаточно обширно в своей риторике отражало «настроения граждан». Несмотря на «запугивание» властей, люди выражают свое возмущение, недовольство, злость. Превалирующими ценностями в обращениях стали гражданские / морально-этические аспекты. К тому же по частотности распределения протестных месседжей видно, что основной накал яблочников пришелся на декабрь 2011 г.

Прослеживается полулояльная позиция в применяемых средствах борьбы за власть над электоральным полем, общественным мнением. Все исследуемые акторы использовали на волне общественного интереса стратегию протеста как наиболее эффективную. В дальнейшем у ЛДПР прослеживается переход от стратегии протеста к стратегии лояльности. «Справедливая Россия» в дальнейшем вернулась в свою нишу «ухода», направленную на реализацию малых дел. КПРФ и «Яблоко» продолжили эксплуатировать стратегию протеста. Обе партии за счет длительного следования данной стратегии еще до выборов 2011–2012 гг. постепенно все больше приобретают черты маргинальных образований. Если коммунисты еще могут противостоять маргинальным трендам за счет привязки к общефедеральным партийным стратегиям КПРФ, то «Яблоко» не имеет подобной поддержки на федеральном уровне.

В это же время (декабрь 2011 – март 2012 г.) активизировались традиционные участники оппозиционного движения: КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Яблоко». Появились и новые протестные группы, такие как Саратовское объединение избирателей (далее – СОИ), гражданские сетевые активисты (создатели и участники группы «ВКонтакте» Р. Сергеев и С. Вилков, участник «Российского социалистического движения»). Анализируя протестную активность этих субъектов, можно отметить, что налицо была явная несогласованность и расщепленность протестных акторов. Попытки скоординировать протестные действия путем создания консолидированного субъекта протеста в регионе не принесли ожидаемого результата.

Традиционные участники, мы бы назвали их наиболее устойчивым протестным активом региона, КПРФ и ЛДПР, поддерживая волну гражданского политического протеста на начальном этапе, сохранили свою самоидентичность и функционировали как традиционные институциональные субъекты политики. В дальнейшем наблюдалось объективное истощение поствыборного протестного потенциала, для поддержания которого у региональной оппозиции не было материального и кадрового ресурса. Поэтому, на наш взгляд, закономерной для оппозиции в регионе стала стратегия «ухода» в сферу малых дел, активность за счет эксплуатации гражданских инициатив, которые включаются в более широкую общеполитическую протестную повестку (присутствуют элементы стратегии «торга»).

В конце 2014 г. начинает проявляться тенденция на трансформацию традиционной стратегии оппозиционных акторов. Проявляется частичная консолидация и солидарность оппозиционных сил. В основном это касается вопросов, затрагивающих внешнеполитические интересы страны, а также проявлений экономического кризиса (рост цен, снижение зарплат, проблема трудоустройства населения и т.д.). В этой части подобное «слияние» можно расценивать не как согласованность и межпартийную консолидацию, а скорее как мимикрирование под существующую социально-политическую и экономическую ситуацию – реализацию стратегии «кооптации» в общегосударственный тренд, провозглашенный официальными властями. В то же время деятельность гражданских активистов с 2012 г. постепенно теряла уровень напряжения, выполнив свою роль ретранслятора протестного недовольства людей.

Еще один новообразовавшийся субъект – СОИ – институционально закрепился в регионе, но, по сути, на волне народного возмущения результатами выборов 2011–2012 гг. он свою миссию «моста» между гражданами и оппозиционными акторами не реализовал полностью. За последние несколько лет в организации стал проявляться закономерный процесс перетягивания ресурсов между руководителями структуры. Со временем, уточнив свой основной функционал по наблюдению за проведением выборов и подготовке наблюдателей, СОИ ушло с нивы активного политического позиционирования, сместившись в нишу защиты гражданских прав. Теперь, когда стартовали волны переизбрания губернаторов и активно заговорили о возможности более раннего переизбрания губернатора Саратовской области, СОИ как статусный ресурс вновь постепенно становится востребованным, в частности для несистемной оппозиции.

Таким образом, очевидна готовность граждан координировать свои действия по действительно важным и значимым для них вопросам, но она не всегда совпадает с целями институциональных акторов от оппозиции. Региональные политические партии, относящие себя к оппозиции, могут включать в свою протестную повестку «болезненные» для региона и сложные для быстрого эффективного устранения местными властями проблемы граждан (расселение из аварийного жилья, обманутые дольщики, переселение владельцев лодочных баз, отчисления за капитальный ремонт и пр.). Привлекая такие «долгоиграющие» темы в свою риторику с властями, оппозиционеры эксплуатируют практику малых дел, при этом в нужный момент перестраиваясь на более лояльное отношение к представителям региональной власти. Однако они не используют по максимуму все возможности новых информационных технологий, как это делают представители несистемной оппозиции. Можно сказать, что на современном этапе оппозиционные партии системной парламентской и внепарламентской направленности балансируют одновременно на грани нескольких стратегий.

Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением Д. Волкова о том, что отсутствие четкой программы действий является одной из главных проблем протестного движения. Пока нет лидеров или партий, у которых есть четкий план. Требуется не программа, которую планируется осуществить после прихода к власти, но «дорожная карта» поэтапных изменений, в которой были бы прописаны конкретные цели и задачи, к осуществлению которых можно приступать сразу, а также взаимные обязательства лидеров и рядовых участников движения [7].

Рассмотренный материал показателен в этом отношении: как только системная оппозиция почувствовала отклик масс, подталкивавших ее к применению стратегии протеста, оппозиционеры стали сворачивать лозунги, касающиеся частных интересов, чтобы усилить свой репутационный капитал, так как реальное следование стратегии протеста для российских системных оппозиционных сил нерентабельно.

Относительно внесистемной оппозиции в регионе можно сделать вывод, что, несмотря на периодические подъемы поддержки населением, она по своей структуре достаточно рыхлая, часто не закреплённая в сознании граждан как отдельная сила. При этом сам импульс мобилизации внесистемной оппозиции во многом произведен не от идеи изменения общественно-политического строя / конкретного плана действий, а от нарушения властью принципов справедливости и законности, а также гарантий защиты этих принципов. Поэтому на данном этапе в России существуют оппозиционные силы, которые по факту реагируют на решения властей, либо силы, борющиеся за власть и встроенные в эти государственно-властные отношения, но не заинтересованные в их кардинальной смене.

#### Библиографический список

1. Гельман В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4. С. 53–67.
2. Поршаков С. Политическая оппозиция в странах Запада (некоторые закономерности и особенности функционирования) // МЭ и МО. 1998. № 3. С. 36–48.

3. Фомин О.Н. Столкновение электоральных групп в пространстве российской политической культуры // Вестник ПАГС. 2012. № 1. С. 78–85.
4. Пиеворский А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.
5. Россияне о политической оппозиции. URL: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii>
6. Политическая оппозиция. Влиятельна ли в России политическая оппозиция? 27 октября 2014 г. URL: <http://fom.ru/Politika/11785>
7. Волков Д. Российское протестное движение в зеркале социологии. URL: <http://www.levada.ru/18-10-2012/rossiiskoe-protestnoe-dvizhenie-v-zerkale-sotsiologii-d-volkov>

**I.I. Bryantsev**  
**The Role of Holding Companies**  
**in the Establishment**  
**of Regional Industrial Clusters**

The strategy of large holding companies development, associated with providing technological process control, is analyzed. It is proved that the development of these trends leads to the creation of preconditions for integration processes aimed at the formation of regional industrial clusters.

*Key words and word-combinations:* holdings, investment strategy, systems analysis, production cluster.

Анализируется стратегия развития крупных холдинговых компаний, связанная с обеспечением контроля технологического процесса. Обосновывается, что развитие этих тенденций приводит к созданию предпосылок для интеграционных процессов, направленных на формирование региональных производственных кластеров.

*Ключевые слова и словосочетания:* холдинги, инвестиционная стратегия, системный анализ, производственный кластер.

УДК 658.114  
ББК 65.292

**И.И. Брянцев**

**РОЛЬ**  
**ХОЛДИНГОВЫХ**  
**КОМПАНИЙ В СОЗДАНИИ**  
**РЕГИОНАЛЬНЫХ**  
**ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ**  
**КЛАСТЕРОВ**

**В** рамках методологического подхода пространственно-временной типологии системных объектов, разработанного Г.Б. Клейнером [1], сформулирована рабочая гипотеза о том, что применение ее к исследованию холдинга позволит рассмотреть его как сложную социально-экономическую систему, которая будет иметь набор собственных характеристик его локализации и объединять в себе в определенных долях те или иные типы систем, одна из которых будет иметь преобладающее значение и влияние [2].

Холдинг как экономическая система представляет собой устойчивую в пространстве и во времени целостную и внутренне единую часть глобального социально-экономического пространства, выделяемого исследователем по пространственным и функциональным признакам. Эта система находится в посто-